

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Балтус поспешил. Назвав Колычева товарищем капитаном, он тем самым дал понять, что вопрос с его реабилитацией можно считать решенным. Это дело времени: каких-нибудь полутора-двух недель, необходимых для совершения установленной процедуры формальностей в Военном совете фронта, куда командованием батальона направлялись представления на тех особо отличившихся в боях штрафников, кто, не будучи ранен, не пролив крови, тем не менее подпадал под определение искупивших вину и заслуживающих освобождения из батальона.

Процедура рассмотрения и утверждения представлений носила общепринятый протокольный характер с заранее предсказуемым результатом. Принимая решение, члены Военного совета, как правило, не вникали в подробности личных дел и боевых характеристик соискателей, каждого в отдельности, а «голосовали» список в целом. Так было до и после Сталинграда. Все, кого командование батальона представляло к снятию судимости и восстановлению в прежних правах, желанную свободу получали. Поэтому у Балтуса не было оснований сомне-

ваться и беспокоиться за ожидаемый конечный результат.

Но на этот раз произошло непредвиденное. Безотказный канцелярский механизм дал сбой. Комутто из членов Военного совета список из 81 человека — два полнокровных взвода — показался необоснованно завышенным. «Оправдывать штрафников целыми взводами — это уж слишком!» Вопрос вернули на доработку. После чего в списке осталось только 27 имен. Ровно треть от первоначально заявленного состава.

Последним пунктом решения командиру батальона майору Балтусу, заподозренному в излишней лояльности и примиренческих настроениях, идущих вразрез с действующим Положением о штрафных подразделениях, члены Военного совета указали на недопустимость подобных действий впредь. Это звучало как обвинение в недооценке и недопонимании всей полноты и сложности возложенной на него ответственности, ставило под сомнение соответствие его командирских морально-волевых качеств нормам строгой партийной требовательности и принципиальности. Военный совет усматривал шаткость в способности комбата успешно решать поставленную перед ним задачу.

Нельзя сказать, что Балтус остался глух к опасности предостережения, но больше его задело все-таки другое. То, что в списке двадцати семи счастливыхчиков не оказалось фамилии Колычева, которого он успел так неосторожно и опрометчиво обнадежить.

Несмотря на скупость внешних проявлений и кажущуюся замкнутость, выработанные в нем характером и условиями службы, Балтус крайне ще-

петильно и болезненно относился ко всему, что затрагивало его имя, могло хоть вскользь, ненароком, нанести ущерб репутации, выставить в глазах подчиненных человеком пустых дел и обещаний. Зная досконально «кухню» штабного делопроизводства, он предполагал, что «доработка вопроса» свелась к простейшей из возможных, чисто механической операции — усекновению. Список скорее всего был спущен до низового писарского стола и принят к исполнению рядовым штабного пера, который и произвел сию операцию, проведя ручкой, как скальпелем, чернильные вычерки-надрезы по заданной формуле «два к одному». Два вычерка — пропуск, два вычерка — пропуск.

Балтуса не поставили даже в известность, хотя должны были либо вернуть представления в штаб батальона для уточнения, либо привлечь к доработке с правом решающего голоса комбата. Но не сделали ни того, ни другого, чем еще сильнее разожгли протестное негодование Балтуса: судьба людей была решена не им, комбатом, официальным полномочным лицом, кому по должности предоставлено было это право, а ничтожным безымянным канцелярским винтиком, который бесстрастным исполнительским росчерком пера поделил штрафников на правых и левых.

Балтус тяготился внезапно возникшей виной перед Колычевым и теперь, дожидаясь его прихода, продолжал досадовать на себя и раздражаться против подставивших его штабных крыс, как раздражался и досадовал всякий раз, когда случалось не по своей воле оказываться в неловком положении, за которое он считал себя менее всего ответственным.

В конце концов, не столь важно, кто из штрафников именно — Петров, Иванов, Сидоров, люди с ничего не говорящими для него фамилиями, — получил долгожданную свободу, а кто нет. Освобождения заслуживали все представленные. Но Колычев...

Колычева Балтус заметил еще тогда, по дороге на фронт, когда назначал его на должность командира взвода. Знакомясь с личными делами штрафников-офицеров, Балтус, это было его излюбленное занятие, проверял их известной екатерининской фразой «казнить нельзя помиловать», отыскивал и затем держал в поле зрения тех, истинная суть которых, по его мнению, соответствовала смысловому значению фразы с запятой на второй позиции...

Размышления Балтуса прервал негромкий стук в дверь.

— Войдите!

В дверном проеме возникла фигура Колычева. Переступив порог, Павел вытянулся в струнку и, вскинув руку к замызанной выцветшей пилотке, четко, по-уставному доложил:

— Гражданин майор, командир взвода штрафник Колычев по вашему приказанию прибыл.

Балтус приподнялся из-за стола навстречу, жестом руки указал на стоявший у противоположной стороны фабричный городской стул с высокой изогнутой спинкой.

— Присаживайся.

Павел послушно прошел к столу, опустился на указанное место.

— Догадываешься, зачем я тебя вызвал?

Павел неопределенно пожал плечами, отметив

про себя, что разговор начинается на «ты», что само по себе уже было необычно.

Балтус, по-видимому, и не заботился его ответом.

— Давай-ка мы с тобой для начала побалуемся чайком. Без церемоний и субординаций, — предложил он, прищурившись на Павла. — Хочешь крепкого, настоящего, грузинского?..

Говоря так, Балтус переместился к входной двери, высунулся в коридор, окликнул ординарца:

— Гатаулин! Пару стаканов чаю!

Все это время Колычев, борясь с нарастающим притоком внутренней нервной дрожи, чтобы не дать прорваться ей наружу, следил за комбатом, приходил во все большее замешательство, не в состоянии понять, что происходит, что предвещает собой странный загадочный прием, оказываемый ему грозным, не похожим на себя комбатом. Что таится за необычностью его поведения? Судя по благожелательному настрою Балтуса, готовиться следовало к чему-то приятному и волнительному, что, безусловно, подивит и порадует. Но к чему?

С того момента, как два часа назад Колычев получил приказ явиться в штаб к 10.00 лично к комбату, он терялся в догадках, силясь представить, чем может быть вызван интерес Балтуса к его персоне. Ясно, что поводом для вызова не может служить событие обыденное — по пустякам штрафников к комбату не вызывали. Но, с другой стороны, ничего чрезвычайного, из ряда вон выходящего, в последние дни ни в батальоне, ни вокруг него не происходило. Разве что всколыхнувшее всех известие о несостоявшейся амнистии. Но Павел был не один, кого постигла неудача. Из троих представителей

второго взвода путь к свободе открылся только перед Кусковым. Друзья устроили Андрею проводы. Балтус во всей этой истории ни при чем, представления на неудачников отклонены Военным советом фронта.

Вернувшись к столу, Балтус мягко опустил на стул, перевел шурящийся улыбочивый взгляд на Колычева. Спросил скорее утвердительно, чем вопросительно:

— Ну, что, судьба — злодейка, жизнь штрафника — копейка?

— Выходит, что так, — не стал отрицать Павел.

— Признаться, огорчен не меньше. Несправедливость — зло, которое выхолащивает душу обидой, подрывает веру — источник нашей силы. Предлагаю считать инцидент исчерпанным и забытым. Отныне лично для меня ты со своим позорным прошлым рассчитался, вину свою искупил полностью. — Балтус неторопливо раскурил папиросу, подвинул пачку в сторону Колычева, приглашая взглядом присоединяться. — Да и в вину твою я никакую не верю. Не было ее и нет. Чужую на себя взял, дружка своего забубенного прикрыл... Так? Или опять отпираться будешь?

Павел поежился, придержал дыхание. Ни затрагивать болезную тему, ни открываться перед кем бы то ни было, кроме Махтурова, он не хотел. Но и отрицать очевидное тоже не имело смысла.

— Из-за меня же произошло, — наконец нехотя выдавил он, — а у Михайлова семья, двое детей...

— Рад, что не ошибся, — усмехнулся Балтус. — Это упрощает задачу. Оспорить решение Военного совета фронта я, конечно, не в состоянии. Но внести коррективы и произвести твою хоть и не пол-

ную, частичную, но реабилитацию, все же могу. Я хоть и командир батальона, но правами наделен командира дивизии... — Выдержав паузу, во время которой лицо его обрело привычную сухость и строгость, Балтус возвысил голос, объявил, торжественно чеканя слова: — Вверенные мне права позволяют принять решение о назначении вас на должность командира роты с присвоением вам звания — старшина. Поздравляю вас!

Павел вскочил, непроизвольно вскинул руку к виску, намереваясь, как принято, отрапортовать о верности служения Родине, но осекся, уловив неодобрительную гримасу, скользнувшую по лицу комбата, и только немо зевнул ртом.

— Да сиди ты, не дергайся! — поморщился Балтус, снова переходя с официального на доверительный тон. — В лейтенанты произвести не могу. Максимум, что возможно для штрафника, — старшина. До первого боя походишь в старшинах. А дальше видно будет. Если уцелеешь — представлю повторно, уже как комроты. И не в общем списке, а персонально. Вопросы есть?

— Все ясно, гражданин майор. Какую роту прикажете принять?

— Для командиров рот я — товарищ майор. Для тебя тоже, — с нажимом в голосе уточнил Балтус. — А что касается роты... Я намерен удовлетворить рапорт лейтенанта Ульяновца. Он давно просит о переводе в общевойсковую часть. Таким образом, можешь оставаться на второй, заменишь Ульяновца. Но могу предложить другую: либо пятую, либо седьмую. Там тоже вакансии пока не закрыты.

С выбором Павел не колебался — конечно, вторая. И не потому, что она чем-то лучше других. Во

всех ротах осталось всего ничего бойцов, дай бог по взводу, и их предстояло формировать заново из пополнения. Так что разницы особой между ними не существовало. Но своя была все же родней. В ней оставались близкие люди, верные, проверенные в боях друзья-товарищи: Махтуров, Богданов, Жуков, тот же Туманенок, кому он верил как самому себе, на кого мог опереться в трудную минуту. Сделал вид, что раздумывает над предложением комбата.

— Мне, гражданин майор, все равно, какой ротой командовать. Но своя все же предпочтительней.

Балтус возражать не стал, лишь укорным взглядом отреагировал на «гражданина майора», согласно покивал головой:

— Учить тебя, думаю, нечему. Обязанности командира роты тебе известны более чем. Людей ты тоже знаешь хорошо, наверняка много лучше тех строевиков, что пришлют нам из резерва на эти должности. Тут, как говорится, флаг тебе в руки. А что касается «все равно», позволь с тобой не согласиться. До сегодняшнего дня ты хоть и командир взвода, но равный им был. Такой же штрафник, как и все. Командир роты — ипостась другая. А значит, и всем твоим старым приятельским связям конец. И перешагнуть через них нелегко, и помехой они могут быть. Подумай, может, тебе все же другую роту дать, а Ульяновцев подождет?

— Нет, — твердо возразил Павел. — Решение принято. Разрешите принять вторую роту?

— Сколько человек в строю осталось?

— Точно не знаю, но не больше взвода. В моем — семнадцать штыков.

— А сколько из вас тех, кто поступил в батальон вместе с тобой, в Пензе?

— Трое. Я, Махтуров и Туманов.

Балтус откинулся на спинку стула, перевел взгляд в потолок, что-то прикидывая в уме. В кабинет бесшумно, без стука и доклада, вошел ординарец старшина Гатаулин. Молча расставил стаканы с чаем на столе и так же молча остался стоять у стола, ожидая распоряжений комбата.

— Свободен! — коротко бросил ему комбат и, возвращаясь к разговору с Кольчевым, заговорил о том, что занимало и заботило его, по-видимому, все последние дни: — Вот таких гвардейцев наоборот больше в батальон ждать не приходится. Фронты двинулись вперед. А значит, и нарушителей 227-го приказа не станет. Разве что единицы. Лагеря тоже основательно подчищены. Вся уголовная мелкота и приклатненная шушера уже пропущены через штрафные подразделения. Заводских рабочих теперь тоже судят реже. Какой начальник хочет, чтобы его людей сажали. А кто план выполнять будет? Его же за срыв и накажут. Значит, кто остается? Из лагерей уголовники калибром покрупней: грабители, бандиты, убийцы. Плюс разный сброд с освобожденных территорий — так называемые примачи и прямые пособники фашистов. Те, кто в 41-м бросил оружие и у чужих баб под подолом укрытие нашел. Или, хуже того, состоял в непосредственном служении у фашистов, работал на них. Жалкие трусы и вражди прихвостни. Да к тому же разрешено теперь брать политических по 58-й статье, у кого срок до 10 лет. Враги советской власти. Белогвардейские недобитки, троцкисты, провокаторы, предатели партии и народа. — Балтус сделал передышку. — Вот с каким контингентом, Кольчев, придется скоро нам с тобой иметь дело. Это надо представлять

себе четко и ясно, иначе не обеспечить главной поставленной перед нами задачи — создать крепкое боеспособное подразделение, готовое выполнить любой приказ командования. — Балтус в задумчивости побарабанил пальцами по крышке стола. — Последние пять лет перед войной я служил в лагерях и по опыту знаю: абсолютное большинство рецидивистов-уголовников — законченные мерзавцы. Единственный доходчивый довод, который способен приводить их в чувство и подчинять приказу, — это ствол командирского пистолета...

Задержав взгляд на стакане с остывающим чаем, Балтус, как запоздало спохватившийся хозяин, поймавший себя на допущенном промахе, поспешил исправить ситуацию, повторил приглашение не стесняться, чувствовать себя свободной.

Чаепитие проходило в сосредоточенном молчании. Погрузившись в себя, оба размышляли каждый о своем. Наконец, видимо, придя к какому-то устраивающему его заключению, Балтус встрепенулся, поднял голову:

— Ты кинокартину о комдиве Чапаеве видел?

Довоенную кинокартину о легендарном комдиве, к тому же земляке, Колычев, конечно, видел. Но что за вопрос?

— Видел.

А Балтус продолжал удивлять его дальше:

— Где место командира в бою — помнишь?

Еще бы не помнить! Всякий, кто носит на плечах офицерские погоны, искушен курсантской заповедью: личный пример — решающий фактор успеха подразделения в атаке. Заподозрив подвох, Павел, осторожничая, отвечал односложно:

— Помню.

— У нас, Колычев, по-другому. Штрафная и обычная стрелковая рота — далеко не одно и то же. Обязанности и функции командира в принципе схожие, но у нас своя специфика, свои отличительные особенности. Командир штрафной роты — это, с одной стороны, тот же воинский начальник с известными тебе атрибутами и назначением, а с другой — карающий меч органов, кому предоставлено исключительное право не только железной рукой наводить порядок и дисциплину, но и, если потребуют обстоятельства, единолично решать судьбу штрафников. Те, кто преступает закон вторично, особенно на передовой, в боевой обстановке, подлежат расстрелу на месте. Ты еще до боя должен иметь четкое представление, кто готов честно искупить вину кровью и пойдет грудью на пулеметы, а кто не преминет нырнуть в воронку и «проголосовать ногами». Или вцепиться тебе в спину. Поэтому место командира штрафной роты в атаке — строго позади атакующей цепи. Он должен видеть все и вся. И каждый штрафник, бегущий в атаку, тоже должен шкурой, затылком чувствовать на себе и твой всевидящий глаз, и зрачок твоего пистолета. Знать, что кара неминуема и следует за ним неотступно. Твоя рука тоже дрожать не должна. Дашь слабинку — не командир... — Балтус пожевал губами, прислушиваясь к внутреннему голосу, и решительно заключил: — А потому, чтобы сто раз попусту не хвататься за кобуру, а сразу заявить, кто в роте есть кто, можешь для наглядности шлепнуть одного-двух самых ненавистных гнид. Дело на тебя заводить не буду.

Павел произвольно дернул головой, торопливо отвел в сторону глаза, покрываясь колкими цеп-

кими мурашками от сознания, что может быть услышан комбатом в тайных против него размышлениях. В массе своей штрафники не понимали и страшились одного упоминания имени комбата. Недоступной для понимания, и Павлу тоже, была чрезмерная жестокость, с которой он подчас преследовал нарушителей дисциплины и порядка. Для многих тяжесть проступка казалась несоизмеримой с суровостью постигающего наказания. Еще свежи в памяти были подробности кровавой драмы, разыгравшейся несколько дней назад в восьмой роте. Пятеро штрафников, сидевших вокруг костерка с варившейся в каске картошкой, сделали вид, что не заметили направлявшегося в их сторону комбата. Поравнявшись, Балтус достал из кобуры пистолет и последовательными методичными выстрелами в голову положил всех пятерых. А прибежавшему на шум командиру роты ровным, бесстрастным голосом приказал:

— До первого боя числить в строевке. После боя — списать в невосполнимые потери!

Вот она, разгадка и истинная причина скорых, крутых на расправу действий Балтуса, а не гулаговская служба, которая, как полагали многие, вызверила нутро комбата, вытравила в нем все человеческое, способное внимать и сострадать.

— ...Ульянцев — слабак, мягкотелый интеллигент и чистоплюй. Потому и отпускаю. В тебя — верю...

Балтус не договорил.

— Товарищ майор, — заглядывая в кабинет, доложил Гаталин. — Каляев доставлен. Ждет.

— Пусть войдет. А ты послушай, — бросил он Колычеву.

Вошедший в комнату солдат, серый, невзрачный,

предельного для строя возраста, переступив порог, мешковато ссутулился, оглядывая присутствующих, и лишь потом догадался доложить о своем прибытии. И все на нем, от несвежей гимнастерки до замызганных обмоток, было вислым, жухлым, неряшливым, подчеркивающим покорную обреченность. Приветствуя майора, приложился к виску растопыренной пятерней, ног не сдвинул.

«Недавно в армии. Вахлак!» — с неприязнью отметил про себя Павел и потерял к солдату дальнейший интерес. Балтус же, как всегда, пристально вгляделся в лицо солдата, сверяясь, заглянул в папку личного дела.

— Гражданин Каляев Иван Степанович... Зачем я вас вызвал — знаете?

— Не знаю, — вяло, без интереса отозвался штрафник и опустил голову.

— Вы когда прибыли в батальон?

— С последним этапом, гражданин начальник.

— Из какой тюрьмы и по какой статье осуждены?

— А я, гражданин начальник, не судимый вовсе.

— А за что попал в тюрьму?

— Я с 29-го года жил на поселении, на Северах, а потом вызвали в Дудинку и там заарестовали и отправили в Красноярск. Это два месяца и десять дней назад было. А оттуда сюда. А суда никакого и не было. А что, меня, может, заочно судили? — Каляев втянул голову в плечи, встревоженно уставился на комбата.

— Нет, вас не судили, — успокоил его Балтус. — Меня интересует ваша профессия, гражданин Каляев. Чем занимались в Сибири?

— Так я, гражданин начальник, кем только не

был. И зверя промышлял, и рыбу ловил, и бондарем работал...

— Я вас не об этом спрашиваю, — перебил его комбат. — Здесь сказано, — ткнул он пальцем в папку личного дела, — что вы — священнослужитель. Это правда?

Каляев заволновался:

— Гражданин начальник, так это когда ж было? И не поп я совсем. Семинарию не окончил. Да и на спецпоселении тринадцать лет живу. Всего два года по глупости и было-то. Какой из меня батюшка?

Балтус, поднимаясь над столом, резким жестом руки пресек изливания незадачливого священнослужителя:

— Все ясно, гражданин Каляев. Будете отправлены в тыл. Гатаулин! Сопроводи бойца Каляева в штаб. Там знают, что делать, — и, возвращаясь к разговору с Колычевым, пояснил, недоумевая: — Приказ Верховного — всех священнослужителей из действующей армии направить в тыл. Церкви, что ли, хотят открывать?..

Для Колычева это известие стало не меньшим откровением.

— Зайдешь к начштаба, получишь на руки приказ. Я его уже подписал.

Поняв, что разговор окончен, Павел поднялся:

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Получив на руки выписку из приказа о назначении командиром второй роты, Павел обратил внимание на дату. Приказ был подписан вчерашним числом. Это означало, что Балтус заведомо прочитал его как затверженную главку Устава и ни в одном пункте, ни в одном извиве его души не ошибся.

Из штаба Павел направился напрямиком к блиндажу Ульяновцева.

Взятое штрафниками стародавнее курское село, где обескровленный батальон был оставлен для перестройки и отдыха, представляло собой крупный опорный пункт второй линии обороны противника. В селе размещался немецкий гарнизон со штабом моторизованного пехотного полка, стояли службы боевого и технического обеспечения. Оно было напичкано огневыми точками, изрыто окопами и ходами сообщения, укрытиями для машин и запасов довольствия складского типа хранения.

Готовясь к долговременной обороне, немцы вращались в землю основательно. Большинство крестьянских изб и дворовых построек было разобрано по бревнышку и тесинке, пущено на обустройство оборонительных сооружений. А выброшенные под открытое небо хозяева разоренных жилищ, повязав в узлы нехитрые пожитки, разбрелись в поисках временного прибежища по окрестным селам и лесам.

Основная линия окопов вытянулась опояской вдоль северной и восточной окраин, обращенных к фронту. От нее в обе стороны, к передовой и в тыл, к ближайшим подворьям, где сооружены были солдатские блиндажи и землянки, разбежались многочисленными рукавами глубокие разветвленные ходы сообщений. Теперь там, на развороченных нашей артиллерией позициях, обживались ротные порядки штрафников. Приводили в порядок порушенное хозяйство, готовили жилье для ожидаемого пополнения.

В самом селе, кроме исчербленного, обкрошенного монолита кирпичной церкви с обрушенной кровлей, не осталось ни одной живой и сохранной постройки. По всему обозримому пространству виднелись сгоревшие остовы грузовиков и бронетранспортеров, искореженные пушки, россыпи разнокалиберных ящиков из-под снарядов и патронов, металлические бочки из-под горючего и масел, пробитые осколками каски, распотрошенные солдатские ранцы, кучи консервных банок и винных бутылок, обрывки газет и журналов, галетные обертки. Не было только трупов. Их штрафники собрали и захоронили за селом, в дальнем отростковом ходе сообщения.

Вторая рота занимала участок на правом фланге, между первой и третьей ротами. Туда, на восточную окраину, и держал путь Колычев.

Наплюснув небрежно пилотку низко на лоб, к самой переносице, как бы придав тем самым бессвязному, хаотичному теснению мыслей недостающую строгость и упорядоченность, он, расслабленный и размягченный редким мигом теплого душевного фриволья, шел неспешным, прогуливающимся шагом по пыльной, прогретой полуденным солнцем центральной улице села и, чувствуя на спине и обнажившемся, коротко стриженном затылке жаркие пятна солнечных припеков, отстраненно размышлял, восстанавливая и переосмысливая заново отдельные эпизоды из разговора с Балтусом.

Для штрафного батальона случай, конечно, небывалый. Чтобы штрафника с неснятой судимостью, да еще из тех, кому в этом самом снятии отказано буквально накануне, — да в командиры роты?! Балтус, конечно, оригинал великий, но не до

такой же степени, чтобы пренебрегать опасностью и подставлять свою голову под удар. Причем сознательно. Не во исполнение, а вопреки полученному от высокого начальства предостережению о недопустимости... В полном осознании, что его вызывающие действия не останутся без внимания «смершевцев», и те донесут о них куда следует.

Ради чего, собственно? Неужто ради того только, чтобы отстаивать справедливость в отношении него, Колычева? Да кто он такой для комбата, чтобы рисковать из-за него судьбой и карьерой? Одна тысячная песчинка безликой серошинельной массы смертников, кого он ни знать, ни помнить не обязан и для кого справедливость — уголовная статья.

Тут было над чем поломать голову.

А сам Колычев? Он-то куда? С клейменым рылом, да в калашный ряд. Пристало ли?

Нет, что касается командования ротой — оно его не пугает. С этой стороны — без вопросов. Покомандовал в свое время вдосталь. И, если разобраться, опять же во имя справедливости, окажись Колычев на месте Ульянцева или того же Суркевича, он знал это наверное, хоть никогда ни перед кем этого не выказывал, командовать у него получилось бы способнее. Получая иной раз от Ульянцева невразумительные, спорные указания, Павел всякий раз принимал их без обсуждения, но действовал на свой страх и риск по своему усмотрению, соображаясь с собственными представлениями и опытом. И не в пример успешнее. Да и прав Балтус, психологию и повадки штрафников Павел знает лучше. А это немало.

Как отнесутся к его выдвижению ротные, сочтут ли за ровню? Пожалуй, вряд ли. Разве что Корниен-

ко с Упитом. А такие лагерные держиморды, как Доценко с Сачковым, — точно нет. И думать нечего — не примут.

В конце концов, чему быть, того не миновать. Обидно, конечно, но что поделаешь. Нет ему благоволения свыше. Планида, видно, его такая, незадавшаяся. Хотя, если вникнуть, грех ему роптать и жалобиться на судьбу. Еще вчера отверженный, низвергнутый, как мифологический персонаж, швырком от почти покоренной вершины обратно, кувырком вниз, на самое дно штрафного окопа, сегодня он — нате вам! — командир роты и, по сути, штрафник лишь формально.

Ничуть не горше и не прискорбней его участь, чем та, что досталась на долю Шведова, Курбатова и еще трехсот с лишним штрафных душ, кому выпала полная, безусловная, но вечностная, посмертная амнистия.

Распорядись судьба иначе — как знать, запросто могла она и Колычева не старшинским крестом на погонах, а упокойным, над братским захоронением около церкви, увенчать. Но он цел, невредим и даже не задет. Лишь слегка помят моральным падением с кручи. И, как ни суди, как ни ряди, с какой стороны ни подойди, а выходит, что он скорее предмет для сторонней зависти, чем для сожаления и сочувствий.

Размышляя в одиночестве о природе своей, как он считал, фатальной невезучести, Павел затруднялся ответить: что же это за субстанция такая — судьба? Кому или чему обязан человек, что жизнь его складывается так, а не иначе?

Почему при прочих равных достоинствах судьба явно и избирательно благоволит к одним, задарива-

ет их сверх всякой меры своей благосклонностью и столь же непреклонно и неуступчиво преследует других? Первые ходят неизменно в фаворе, в везунчиках, их линия жизни подобна траектории взлетающего самолета, уходящего с набором высоты далеко вверх, к высотам личного и общественного благоденствия. Вторые, как Колычев, ни умом, ни порядочностью не обделенные, с той же неумолимой последовательностью обрекаются на тяжкие испытания и неудачи, их линия земного бытия — как нескончаемая изматывающая полоса препятствий на учебном автодроме, сплошь колдобины и выбоины, беспрерывная череда тщет и обманутых ожиданий.

Каким-то странным, непостижимым образом они умудряются раз за разом попадать в нелепые, обидные, но вовсе не обязательные истории, бывают обойдены, терпят крушения и спотыкаются в обстоятельствах, при которых, казалось бы, и споткнуться-то не обо что. Мало того что предан самым дорогим человеком, так еще за то и наказан. А Михайлов? По приговору трибунала, применившего отсрочку наказания, Михайлов, не лишенный даже офицерского звания, отправлялся в действующую армию. На последнем свидании Павел передал ему свою меховую офицерскую куртку с просьбой продать и закупить на выручку курева. Но ни Михайлова, ни курева не дождался.

Кто решает: быть человеку успешным и достаточным или, наоборот, незадавшимся, несостоявшимся хроником? Как вообще понимать распространенные в быту многочисленные народные поверья типа «родился в рубашке», «на роду написано» и т.д. Может быть, так и понимать — в прямом смысле, буквально? И тогда нет никакого кузнеца с

молотом, стечения неблагоприятных обстоятельств, досадных случайностей, а есть вполне закономерная, изначально кем-то свыше положенная родовая предопределенность, рок? И это только кажется, что виной крушениям и обманутым ожиданиям является собственная несообразность и неспособность, цепь трагических случайностей и чуждых обстоятельств. А на самом деле все случайности и не случайности вовсе, а предпосланные свыше закономерности, и мы заблуждаемся, что живем и действуем по законам и принципам собственного приготовления, выстраиваем жизнь по собственным канонам и что, делая тот или иной выбор, принимая то или иное решение, мы делаем и принимаем их самостоятельно, независимо от чьей-то воли. В действительности живем и действуем, делаем те выборы и предпочтения, которые предопределены, предначертаны нам где-то в небесных скрижалях, ниспосланы свыше.

Противясь мистическому сознанию, не желая в этом признаваться самому себе, Павел все же втайне верил, жила в нем страстная слепая убежденность — должно воздаться! Нет — не от бога, но свыше.

Должна же она быть — высшая Справедливость?!

* * *

Ульянцева застал на месте. Ротный с ординарцем размещался в уцелевшем двухместном офицерском блиндаже, доставшемся ему от предшественника, тоже, по-видимому, командира роты. Внутри помещение походило на горницу сельского дома — сухое, светлое, обихоженное. Стены обиты тесом,

ровный дощатый пол. По правую сторону от входа — раскладная походная офицерская койка, застеленная плащ-палаткой, по левую — тумбочка умывальника с приставленной сбоку волосяной щеткой на длинной ручке, — веник и швабра. У передней стены, против оконного проема — раскладной походный столик, два стула. На подоконнике — стандартный набор бритвенных принадлежностей, флакон одеколона, расческа.

Проследив за его оценивающим взглядом, Ульяновцев криво усмехнулся:

— Умеют господа фрицы даже на передовой с комфортом устраиваться. Столовые приборы, чашечки, ложечки, кофейнички... Ну да, ничего, погоним мы теперь их без остановок, не до удобств станет. Ты проходи, садись. Докладывай, с чем прибыл.

Павел молча выложил на столик выписку из приказа, показал взглядом — читай!

Ульянцев заинтересованно приблизился к столу, пробежал глазами по машинописным строчкам.

— Вот это да! — возбуждаясь, проговорил он. — Ну, удружил, взводный, так удружил. Спасибо. Я этого приказа, как манны небесной, жду, хотел уже третий рапорт подавать. Должник теперь твой...

— Я-то при чем? Комбата благодари, он тебе вольную подписал.

— Нет, правда, не могу я здесь больше оставаться. Сил нет. Обрыдло все до чертиков. Балтусу что? Он до войны в лагерях служил. Нравится ему с уголовным отребьем возиться — ну и на здоровье! А меня увольте. На всю жизнь, сколько ее осталось, впечатлений хватит. — Ульяновцев трясущимися руками охлопал по карманам, ища и не находя папиросы. Край пачки «Беломора» выглядывал из-под подуш-

ки в изголовье койки. — Мерзкие поганые рожи! Куда угодно согласен — хоть в пекло, хоть к черту на рога, но только чтобы среди нормальных людей жить. — Он наконец обнаружил папиросы, нервно закурил. — А ты-то как согласился? Сдалась тебе эта лагерная помойка. Думаешь, выпустит тебя из своих когтей Балтус?.. Черта с два! И не мечтай. Не тот человек, за кого себя выдает.

Павел почувствовал разочарование. Ему и в голову не приходило, что можно было — и следовало — отказаться, такой вариант даже как предположение не рассматривался. Да и не понимает разве Ульяновцев, что слова его и по Колычеву рикошетом бьют.

«Не знаешь ты комбата», — с обидой за Балтуса подумал Павел, но вслух сказал другое:

— Извини, но ты неправ, лейтенант. Горячку несешь. Далеко не все в роте подонки и отбросы общества, как ты говоришь. Немало и таких, кто по нелепой случайности или дурости нашей извечной сам себя под статью подвел. И судимость у них — беда, а не вина. Да, проштрафились, наказаны. Но облика человеческого не потеряли и людьми быть не перестали. И воюют не хуже, чем в строевых частях, и дружбу фронтовую понимают. Я с ними в одной землянке живу, из одного котелка хлебаю. И что бы ты ни говорил — мне лучше знать!..

Ульянцев доводы Колычева то ли из упрямства, то ли из других каких соображений не принял, но пыл умерил, поуспокоился.

— Ладно, раз пошла коса на камень — останемся при своих интересах. Из двоих спорящих каждый думает, что он умней другого. Ни к чему теперь. Тимчук! — громко позвал он ординарца. — Где там

у нас «НЗ»? Тащи сюда, нового ротного обмыть требуется.

Из тамбура появился расторопный ординарец Ульяновцева — невысокий сухощавый боец лет тридцати пяти с вещмешком и двумя алюминиевыми солдатскими кружками в руках. Ловко орудуя штыком, вспорол банку мясных консервов, порезал хлеб и увенчал с преувеличенной торжественностью стол бутылкой трофейного коньяка.

— А где же новый ротный, гражданин лейтенант?

— Так вот же он — перед тобой!

Тимчук, видимо, всерьез замечание Ульяновцева о новом ротном не воспринимал: шуткует ротный под настроение. Водился за ним такой грешок, и ординарец в свою очередь легко соглашался на понятную обоим игру, подставлялся ротному. Но вроде как и не шутит ротный, да и Колычев никак не дает понять, чему верить: спокоен. Смутившись, Тимчук неловко потоптался у стола, машинально обтер штык о штанину.

Ульянцев коротко хохотнул, показал ординарцу рукой на выход. Плеснул по кружкам коньяк, потянулся к Колычеву.

— Давай, ротный, за общую удачу выпьем. Чтоб и тебе в скором времени вслед за мной на своих двоих отсюда выбраться, и мне на новом месте прижилось. Иль в батальоне останешься?

— Война планы покажет.

— С тебя станется, — посочувствовал своей догадке Ульяновцев. — А зря. Подставит тебя Балтус...

Павел не ответил. Поколебался, не соглашаясь, но тост поддержал.

Выпили по второму заходу. Ульяновцев заторопился.

— Ну, в общем, все. Закругляться надо. Сам пони-

маешь, аттестаты, командировочное предписание, сухой паек в дорогу получить надо, то да се — на все время требуется. — Ульяновцев озабоченно огляделся вокруг, прицениваясь, не забыл ли чего. Вдруг спохватился, кинулся к кровати. Опустившись на колено, пошарил под ней рукой, вытащил полевую сумку. — Вот, забирай. Тут вся ротная бухгалтерия. Разберешься. И сумку на память забирай. У меня другая есть.

Убедившись, что точно больше ничего не упущено, протянул Колычеву руку:

— Ну, бывай, ротный. Не поминай лихом, если что не так было. А я потопал.

— Удачи, брат!

Оставшись один, Павел присел на койку, стащил с потных зудевших ног сапоги, размотал портянки, аккуратно развесил их на голенищах и с наслаждением вытянулся на мягкой постели. Он еще не отошел от пережитого возбуждения и не вполне осознавал себя в новом качестве. И теперь, блуждая рассеянно взглядом по потолку, вслушивался и всматривался в себя как бы со стороны, сверял оценки происходящего.

Выпитый коньяк слегка туманил голову. Но уже на смену отсмотренным кадрам проступали, выстраиваясь бегущей строкой, очередные насущные заботы дня.

Рота — не взвод. В своем взводе он знал всех не только в лицо, но и пофамильно. Мог сказать, кто чем дышит, кто опора ему, а за кем глаз нужен. Во взводе крепкое здоровое ядро сформировано. А что в других взводах? Даже взводные и те для него темные лошадки. Ни с одним из них близко общаться не приходилось.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	210